

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ИНДИВИД И КУЛЬТУРА: ЭФФЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н.О. ЗОЛотова

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет», г. Тверь*

Проблема двуязычия рассматривается с точки зрения его носителя – индивида, погруженного в культуру. Обзор языковых биографий представителей русской культуры поддерживает мысль о свободе выбора языка для выражения тех или иных мыслей и свободе мыслить об одних и тех же предметах на разных языках. Обсуждается мнение о статусе билингвизма как норме в современном поликультурном мире и опасностях обрыва культурной традиции. Специальное внимание уделяется вопросам учебного двуязычия, в частности ориентации на личность обучаемого, результаты его взаимодействия с культурой родной и изучаемого языка.

Ключевые слова: *двуязычие/билингвизм, естественный билингвизм, искусственный/учебный билингвизм, двуязычная личность, культурная традиция, социализация, психолингводидактика, языковое образование.*

BILINGUAL PERSONALITY AND CULTURE: INTERACTION EFFECTS

N.O. ZOLOTOVA

The problem of bilingualism is viewed in terms of its carrier – a personality immersed in culture. The overview of linguistic biographies of the representatives of Russian culture supports the idea of freedom to choose a language to express different thoughts and freedom to think about the same subjects in different languages. The opinion about the status of bilingualism as a norm in modern multicultural world and risk of breach in tradition is being discussed. Special attention is paid to the issues of educational bilingualism, personal orientation and the results of student's interaction with native culture and target-language culture in particular.

Keywords: *bilingualism, natural bilingualism, educational bilingualism, bilingual personality, cultural tradition, psycholinguadidactics, linguistic education.*

Языковая судьба личности складывается в раннем детстве: усвоение в этот период двух или более языков накладывает отпечаток на всю последующее развитие индивида. В русской культурной традиции русско-французское двуязычие, преимуществами которого пользовались Пушкин, Тютчев, Толстой, Достоевский, всегда рассматривалось как характерный признак времени, в который создавалась великая русская литература. Русско-английское двуязычие наиболее ярко представлено в творчестве Набокова и Бродского.

На Пушкина как знаменательный пример двуязычной личности в русской традиции указывают многие авторы. В частности, Вяч. Вс. Иванов указывает на функциональное различие двух языков поэта – русского и французского. При этом для поэтического выражения поэт использовался по преимуществу русский, а французский был главным языком логического рассуждения, как и для многих его современников, друзей, корреспондентов и собеседников, как Чаадаев [4, с. 124].

Этим же автором отмечается такая же логически-рассудительная роль французского языка, характерного для Тютчева, который использовал его в дипломатической, публицистической и политической жизни, в то время как русский оставался, как и у Пушкина, основным средством для поэтического творчества и повседневного общения вне салонов, когда он бывал на родине. Обращая внимание на опыт семейной жизни Тютчева, а именно на два его брака с немками, Вяч. Вс. Иванов делает предположение, что «по своей функции немецкий язык у него мог оказаться ближе к русскому, чем к французскому» [цит. раб., с. 125].

Одно из опубликованных интервью с И. Бродским озаглавлено как «Двуязычие – это норма» [2, с. 197]. В нем, в том числе, идет речь и о «неизбежности двуязычия» в котором оказался Бродский. При этом функциональный статус языков распределился следующим образом: при написании стихов используется русский, а английский – как средство для работы в жанре эссе. «Двуязычие не надо рассматривать как негативное явление», – отмечает автор, ссылаясь на старую добрую традицию, существовавшую в России. Преимущества двуязычия для себя Бродский формулирует следующим образом: «Два языка как бы играют друг с другом. Между ними происходит интерференция, традиции сталкиваются друг с другом, а я это использую, эксплуатирую» [там же].

«Изумленный взгляд на вещи со стороны», характерный для английской литературы, оказывается настолько близким Бродскому-личности, что «эксплуатируется» Бродским-поэтом в собственном творчестве. Поэт и переводчик В. Куллэ, исследователь творчества И. Бродского, анализируя его англоязычное наследие, полагает, навык остранения, необходимый для поэта, коренится в самой природе английского языка, главное качество которого «не *statement*, то есть не утверждение, а *understatement* – отстранение, даже отчуждение... взгляд на явление со стороны» [5, URL].

В. Куллэ также отмечает, что Бродский – самим фактом двуязычного существования – был обречен на сопоставление с Набоковым. Однако Бродский отрешивался от такого сопоставления, хотя бы на том основании, что для Набокова английский – это практически родной язык, на котором он говорил с детства. Для Бродского же английский – его «личная позиция», «удовольствие от писания по-английски» и «дополнительное удовольствие – от чувства несоответствия»: поскольку он был рожден «не для того, чтобы знать этот язык, но как раз наоборот – чтобы не знать его» (цит. по: [5, URL]). Вся мощь двуязычия собственной личности оценивается Бродским следующим образом: «Если бы я был поставлен перед выбором: использовать только один язык – русский или английский, – я бы просто сошел с ума» (цит. по: [5, URL]).

О двуязычии как о факторе интеллектуального раскрепощения говорит М.Эпштейн, отмечая, что «нельзя по-настоящему знать и свой, как нельзя полноценно мыслить одним полушарием мозга или воспринимать объемно краски и звуки мира одним глазом или одним ухом» [10, URL].

Если рассматривать двуязычие не в терминах языковой компетентности, а с точки зрения Ф. Грожан – в терминах *употребления* языка, то билингвом (носителем двуязычия) следует считать человека, нуждающимся в употреблении двух и более языков в повседневной жизни. В большинстве

языковых сообществ мира употребляется более чем один язык, так что в этом смысле около половины населения земли можно признать билингвами. Кроме того, есть много билингвов, являющихся потомками смешанных пар [8, с. 32].

Таким образом, двуязычный индивид в современном мире, претерпевающим процессы глобализации, представляет собой обыденное явление. В то же время, активные миграционные процессы и другие политические факторы являются причиной того, что значение, которое стоит за термином «двуязычие» облекается «ореолом социальных проблем», становясь при этом более размытым. Этому способствует, в частности, «полуязычие», возникающее как следствие «полукультуры». Полукультура в понимании Р.М. Фрумкиной, это не недостаток некоторой «вообще-культуры» или знаний. Это конфликтная ситуация, в которую попадает личность в результате слома традиции [9, с. 165-166].

На риски «двойного бытия» при нахождении на границе культур указывает и М. Эпштейн, предупреждая, что возможность двуязычия, может легко обернуться «полужнанием чужого языка и полужабвением родного»: нам знакомы не только образцы сильной речи, чьи выразительные средства удвоены скрещением языков, но и примеры ополовиненной речи, жаргонной смеси, где от обоих языков остаются только обломки их катастрофического столкновения. Переходя границу между культурами, легко застрять в ничейной полосе, где ни одна из культур не оставила ничего, кроме мусора и отходов [10, URL].

Сложно говорить о развитой языковой личности билингва, если он утратил прежние языковые стереотипы, но не приобрел эффективные новые. И, тем не менее, «сами ошибки – системные, социальные, профессиональные, карьерные, лингвистические, церемониальные, – которые мы совершаем при переходе из культуры в культуру, при переводе с языка на язык, могут выполнять роль творческих мутаций [цит. раб., URL].

Кроме этнических и политических факторов, обуславливающих «новую волну» распространения двуязычия в мире, следует обозначить и возросший статус искусственного билингвизма – ситуацию, при которой знание двух или более языков обеспечивает конкурентоспособность индивида на рынке труда. Под искусственным двуязычием/билингвизмом понимается такой тип двуязычия, который формируется в условиях организованного обучения, то есть учебный билингвизм.

Вслед за А.А. Залевской обратим внимание на отличие естественного (в том числе бытового) и искусственного (учебного) двуязычия по ряду факторов, к которым относятся: условия, формирования, специфика превалирующих при этом процессах и различающиеся результаты [3, с. 106]. Неудовлетворенность получаемыми результатами во втором случае (при наличии явных преимуществ в условиях формирования двуязычия) очевидно, связана с тем, что до сих пор двуязычие рассматривалось преимущественно с позиций социологии и лингвистики, при которых игнорируется его психическая природа.

Под двуязычием как *психическим* феноменом понимается система деятельностных ориентиров самого индивида для процессов говорения и понимания речи. То есть фактически речь идет о «языковых контактах в индивидуальном сознании и подсознании» [цит. раб., с. 107- 108]. Означенные идеи находят свое развитие в разрабатываемых А.А. Залевской теоретических

основах психолингводидактики, принципиальное отличие которой от уже имеющихся построений состоит в ориентации на трактовку языка как живого знания, которое никак нельзя прямо передать обучаемому, поскольку он должен *сам* его *выработать* [там же].

Опираясь на психологические воззрения школы Л.С. Выготского, А.А. Леонтьев в свое время пытался отстаивать личностно-психологический подход к обучению языку, акцентируя внимание на главной задаче обучения: «не овладение языком как средством общения должно стоять в центре преподавания иностранного языка, но овладение им как “строительным материалом” картины мира или образа мира» [6, с. 339]. «На уроке иностранного языка мы занимаемся строительством нового образа мира или, по крайней мере, внесением определенных коррективов в имеющийся у нас старый» [цит. раб., с. 340].

На сформулированный вопрос «что мы преподаем, когда преподаем язык?» А.А. Леонтьев дает четкий ответ: язык как отражение социокультурной реальности. ... преподавать язык – значит, в конечном счете преподавать культуру [там же]. Мысль Леонтьева о том, что «“чужой” язык не должен быть для нас чужим» [цит. раб., с. 342], как никогда актуальна в наше время. Межкультурное общение невозможно без воспитания толерантного отношения к чужой культуре. Для современного носителя учебного билингвизма иностранный язык также должен быть нормой, соотносимой с билингвальным статусом поликультурной личности.

Полезность изучения иностранного языка не сводится только к практической ценности, пусть и очень важной в поликультурном пространстве. Из опыта преподавания русского языка в университетской среде США М. Эпштейн вынес интересное наблюдение: как правило, студенты впервые задумываются о том, что такое члены предложения и части речи, только тогда, когда начинают изучать иностранный язык [10, URL]. Происходит то, что в западной методике обозначается *language awareness* и может быть описано в терминах Л.С. Выготского: умения студента переводятся из бессознательного автоматического плана в план произвольный, намеренный, сознательный.

Поэтому, когда американские студенты спрашивают, зачем нужно изучать иностранные языки, следует ответ: хотя бы для того, чтобы знать английский. Зачем знать русскую литературу? Чтобы понимать американскую. Без знания чужого нет понимания своего, нет чувства границы, нет способности посмотреть на себя со стороны [цит. раб., URL].

Требование сегодняшнего дня берет свое начало в продолжении мысли Леонтьева: «иностраный язык должен стать для учащегося нормальным средством самовыражения. Чтобы это могло произойти, партнер общения не должен восприниматься нами как “чужой”, а его национальная культура должна переживаться нами как органическая часть общемировой» [6, с. 342- 343].

Таким образом, сопричастность общемировой культуре как одна из основных характеристик нового содержания образования, в частности, языкового, была отмечена А.А. Леонтьевым еще до вступления России в Болонский процесс. Необходимость межкультурного обучения очевидна; межкультурная компетентность обнаруживает тесную взаимосвязь с преподаванием иностранных языков. По выражению С.Г. Тер-Минасовой,

каждый урок иностранного языка – «это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации» [7, с. 25].

Моделирование межкультурного взаимодействия в учебной аудитории предполагает общую коммуникативную культуру его инициаторов, в том числе и идеологию толерантности, в которой «толерантность понимается как универсальная норма поддержки разнообразия в эволюции различных сложных систем, является потенциалом развития многочисленных форм симбиоза, сосуществования, социального и политического взаимодействия, кооперации, взаимопомощи и консолидации различных видов, рас, народов, национальностей, государств, религий и мировоззрений» [1, URL].

Овладение иностранным языком в искусственной среде будет тем более успешным, чем более органично усвоена модель уважения самоопределения «других». Компетентные носители учебного билингвизма смогут использовать эффект двуязычия не только для успешной мультикультурной социализации, но для расширения интеллектуальных запросов, развития кодирующих и интерпретирующих способностей сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Школа жизни с непохожими людьми URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-zhizni-s-nepohozhimi-lyudmi/viewer>. (дата обращения: 28.02.2020).
2. Бродский И. Двуязычие – это норма // Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. С. 197 – 205.
3. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 144 с.
4. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
5. Куллэ В. Вступление // Иосиф Бродский. Blues. Törnfaller. A Song To My Daughter. Переводы с английского. URL: <https://mybrary.ru/books/poetry-/poetry/243782-iosif-brodskii-blues-t%C3%B6rnfaller-a-song-to-my-daughter.html>. (дата обращения: 28.02.2020).
6. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 448 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 264 с.
8. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами). Пер. с англ. / Общ. ред. И.В. Журавлева. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 344 с.
9. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 320 с.
10. Эпштейн М. Амероссия. Двукультурие и свобода. Речь при получении премии «Liberty» URL: <http://gostinaya.net/?p=8724> (дата обращения: 28.02.2020).